

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА¹

...Меня отправили на следующий год в лагерь «витязей» под руководством Николая Федоровича Федорова. Тогда у нас был священник, отец Георгий Шумкин. Если прочесть о нем воспоминания митрополита Евлогия, то в голову не придет, что он был замечательный человек. Он был в глазах митрополита Евлогия посредственным, нормальным священником. Посредственным не в плохом смысле, а в том, что особенного о нем ничего и не скажешь. Для нас он был откровение. Я понял это полностью только много лет спустя.

Во-первых, ему было поручена забота о наших душах, но без преувеличения религиозности, а так, чтобы мы развивались честными, добрыми мальчиками. То чему он нас учил, была честность, правдивость, чистота. Он для этого учредил уроки воспитания характера. Эти уроки состояли в том, что он беседовал с нами о важности нравственных ценностей, о готовности служить людям и для этого покорять себя самого. Он давал нам упражнения. Упражнения двух родов. С одной стороны, он давал физические упражнения, чтобы развить в нас стойкость. Одно, что я помню, нам нужно было стоять на одной ноге, вытянув руки и лицом к солнцу как можно дольше, пока тебе хватит мужества на это. Когда тебе девять лет, это большое упражнение!

Кроме того, у нас был такой лист, где было записано, что мы должны были делать или не делать. Мы должны были каждый день ставить крестики или нолики: соврал, обманул, не исполнил задание. И это в течении целого лагеря. Он нас так воспитывал. Причем воспитывал ласково. Он нас не наказывал за это. Он говорил: «Ах, как жалко, почему ты так поступил?» И все. Но то, что меня поразило в нем, то что было для меня откровением и осталось у меня до сих пор, это то, что он умел любить всех и каждого неизменной любовью. Когда мы были хороши, его любовь к нам была ликованием. Он сиял это любовью. Когда мы были плохи, в том или другом отношении, это было для него глубоким горем и раной. Его любовь никогда не делалась меньше. Он никогда не говорил: «если ты так будешь поступать, то больше любить не буду». Наоборот, он виновного старался приласкать, чтобы тот почувствовал, что его виновность, говоря церковным языком «греховность», не может превзойти ни Божью любовь, не любовь людей, которые способны его любить. И это тогда меня поразило, потому что это был единственный такой случай, что скажем, мои родители могли меня любить, это дело простое. Но чтобы совершенно чужой человек меня любил — задарма, без всякой причины, без основания? У него было такое сердце, где мы все могли жить и ликовать. Удивительно. Я понял это много-много лет спустя. Я его тогда его конечно полюбил и оценил, но связь между ним и Богом, видение его как Иконы, я постиг, вероятно, только сорок лет спустя. Вдруг я понял, что так-то нас и любит Бог. Я это знал где-то. Где-то в

¹ См.: *Митр. Антоний Сурожский*. Воспитание души. М.: АСТ, 2016. Библиотека Ю. Гиппенрейтер. С. 309–310.

душе или в голове это знаешь. Но с такой яркостью, что я видел любовь Божию, воплощенную и действующую, никогда не изменяющуюся, никогда не делающуюся меньшей. И это было очень решительным делом для меня потому что я был совершенно чужд тогда церкви.